

ОЦЕНКА НАПРАВЛЕННОСТИ И РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПЕРСПЕКТИВЕ БАЛАНСА ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

П.В. Сазонова

Национальный исследовательский Томский государственный
университет, Томск, Россия

Комплексность и неоднозначность процессов трансформации современного российского общества, отягощенных логикой глобального перехода, требуют более пристального изучения их результатов с позиций различных социальных акторов. Перспективным объектом для анализа представляется формирующийся новый средний класс, который может как выполнять стабилизирующие социальные функции, так и выступать инициатором дальнейшего развития общества. Социальный запрос к государству может быть сформулирован как создание правовых и институциональных возможностей сбалансированной самореализации в публичной и приватной сферах с целью более полного раскрытия креативного потенциала нового среднего класса.

Ключевые слова: социальные трансформации, модернизация, новый средний класс, креативный класс, гендер, семейная политика, публичная и приватная сферы.

THE EVALUATION AND THE PROSPECTS OF SOCIAL TRANSFORMATION IN THE DIMENSION OF GENDER BALANCE IN RUSSIAN SOCIETY

P.V. Sazonova

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Today in the developed world the evolution of social structures and processes becomes dynamic and pervasive like never before. Every society is trying to find its own way how to adapt to the rapidly changing economic, social and demographic realities in order to avoid possible risks and tensions. The complexity and ambiguity of the transformation processes in modern Russian society burdened by the logic of global transition, require distinct examination of their results from the position of various social factors. The promising object for analysis

is the emerging new middle class that can perform stabilizing social functions as well as initiate further development of the society. The social request for the state can be defined as the development of legal and institutional frameworks for balanced public and private self-realization of the new middle class in order to the full implementation of its creative potential.

The transformation of class and gender structure of the contemporary Russian society can be regarded as a sign of transition from the institutionalized patriarchal society to the post-modern society, which is individualized and de-institutionalized from the standpoint of self-identification and selection of behavioral strategies. The interplay of the public (education, work, political and civil activities) and private (family, parenthood, intimate relations) spheres in the biography of any modern individuals is experienced mostly in a conflict-ridden relationship rather than in the desired combination.

Seeking balance of public and private in individual's life is one of the actively debated topics in the European academic discourse, which, in our opinion, succeed in determining of the optimal conditions and strategies of combining education, employment, family and parenthood. The cooperation of the state and the science is embodied in real-world patterns of social and family policies in Western Europe. In view of the common nature of many social and cultural processes in the global world it is considered to be possible to use European experience in the development of recommendations for the factors in Russian social policy. Required initiatives should be linked with the formation of the legal and institutional framework for gender equality and balance in the distribution of opportunities and responsibilities between men and women in contemporary Russian society in its both public and private spheres.

Key words: social transformations, modernization, new middle class, creative class, gender, family policy, public and private spheres.

Сегодня важной задачей всего конгломерата социальных наук является объемный, аргументированный силами различных дисциплин ответ на вопрос, каким образом различные общества отвечают на вызовы современности. Усложнение и уплотнение структуры социального мира находят отражение в лавинообразном росте теорий, которые пытаются уловить и объяснить суть происходящих изменений, а также дать прогноз их трансформирующего воздействия на общественные институты и индивидов. Решение такой задачи является отправной точкой и центром исследования в работах Д. Бэлла, М. Кастельса, Ф. Фукуямы, П. Штомпки, М. Кивинена, Т. Шанина.

В последние годы на первый план выходит анализ транзитных процессов с точки зрения логики и перспектив глобализации, воздействие которой сегодня в большей или меньшей степени испытывают все общественные системы. Оригинальные попытки рефлексии социального мира в новом, глобальном измерении содержатся в но-

ваторских работах З. Баумана, У. Бека, П. Бергера, И. Валлерстайна, Э. Гидденса, А.С. Ахиезера, А.Б. Вебера, А.А. Кара-Мурзы.

Новый характер модернизационных процессов требует уточнения классических дефиниций. Цивилизационный переход от *Gesellschaft* к *Globalschaft* требует от обществ «возрастания способностей к социальным преобразованиям... с целью повышения конкурентоспособности в миросистеме» [10. С. 10].

Действительно, вступление мира в эру транснационального развития породило новые формы неравенства [53]. Все страны оказались вовлеченными в гонку за лидерством, в которой впереди идущие пытаются сохранить и увеличить свое преимущество, наращивая научно-технический и человеческий потенциал, в то время как все более сложной задачей для стран второго эшелона становится стимулирование форсированного рывка посредством адекватных и согласованных реакций на природные, политические, экономические и социальные вызовы. Глобальная периферия представлена странами, развивающимися и «несовременными» в дискурсе западных тренд-мейкеров, которые балансируют на грани видимости и осязаемости в границах новой мировой иерархии [6, 11]. Прогноз Н. Лапина на XXI в. – жесткая конкуренция между странами в условиях возрастания темпов и неравномерности модернизационных процессов [21].

Очевидно, что особые вызовы сегодня стоят перед теми обществами, которые наряду с влиянием «нелинейных, неравновесных процессов глобализации» [21] переживают процессы внутренних социальных трансформаций. К числу последних вот уже третью декаду относится Россия, находящаяся в процессе постсоветского транзита.

Несмотря на внушительность с точки зрения количества и аналитического разнообразия публикаций на тему постсоветской трансформации, обращает на себя внимание отсутствие единого понимания природы происходящих процессов, строгой концепции и стратегии модернизации страны как в среде научного сообщества, так и на властном уровне [11, 18, 21]. Чем объясняется такая рассогласованность, обнаруживаемая уже на этапе формулирования целей и задач модернизации российского общества?

Во-первых, необходимо принимать во внимание динамический характер мировых модернизационных процессов, следствием чего является непрекращающаяся эволюция теорий и концепций модернизации и, соответственно, «трудности перевода» и синтеза мнений

и позиций различных ученых в границах единого терминологического статуса-кво (подробнее см. [32]).

Другая причина – в комплексности и многомерности одновременно происходящих в России сдвигов. Принципиально согласимся с трактовкой российских социальных трансформаций как многоуровневого процесса, который затрагивает все уровни общественной вертикали (общенациональный, региональный, локальный, макро- и микросоциальный) и вызывает коренные изменения институциональной и классовой структуры общества, идеологии, гендерных отношений, семьи. При этом исследователи констатируют слабо управляемый, по сути, полустихийный, характер трансформационных процессов [10], что идет вразрез с наблюдением П. Штомпки, что постепенность, последовательность и прогнозируемость изменений являются условием устойчивости социального порядка и общественных институтов [40. С. 335]. Важной задачей российских социальных трансформаций, таким образом, можно считать поиск стабильности, понимаемой как институализация переходных форм сосуществования «новых» и «старых» норм, ценностей и социальных практик [15. С. 18]. На этой основе формируются и получают распространение жизненные стратегии выживания, которые вряд ли могут быть вписаны в институциональные рамки и требуют пристального изучения на микроуровне.

В последние десятилетия XX в. произошла смена полюсов мировой модернизации: на смену догоняющей модернизации технологий пришла органическая модернизация, сменившая приоритеты развитых обществ в сторону увеличения инвестиций в социокультурный капитал.

Еще С. Хантингтон обратил внимание на важность человеко-ориентированного подхода к процессам развития обществ, следствием которого должны стать «растущий уровень грамотности, образованности, благосостояния и социальной заботы» (цит. по [32]). В данном сюжете принципиально важным представляется замечание П. Штомпки, что формирование нового типа личности, ориентированного на личную достижимость, инновационность и индивидуализм, но при этом адаптивного и социализованного, предъявляющего высокие образовательные, культурные и профессиональные требования к окружающему миру, является не только стартовым условием, но также и ожидаемым результатом правильно понятых и организованных модернизационных процессов [40].

Нам представляется, что двоякость исполняемых такими субъектами ролей ставит перед социальными науками задачу определения их локации, плотности и весомости в современной общественной структуре, а также формулирования условий развития их потенциала в количественных и качественных измерениях. Очевидно, что накопленный за последнее столетие академический опыт подсказывает в первую очередь обратить внимание на средние классы и вспомнить, что именно они, по мнению М. Вебера, исполняют функцию придания стабильности обществу.

Уже в рамках классической традиции идентификации черт среднего класса высказывались мнения о том, что неправомерно опираться лишь на традиционные экономические индикаторы, лежащие в плоскости доходов и потребления, но требуется актуализация его социокультурного потенциала. Так, в 1920-е гг. английский экономист А. Пигу артикулировал важность комплексного подхода к определению понятия «благосостояние», понимая под последним не только материальный достаток, но и то, «насколько психологически комфортно и уверенно чувствует себя человек и какова степень его удовлетворенности жизнью» [29. С. 37]. Часто цитируемое в литературе описание среднего класса, предложенное в 1940-х гг. американскими социологами У. Уорнером и П. Лантом, включает, помимо прочего, целый спектр социокультурных индикаторов: хорошее образование, личную автономию и инициативность, высокую оценку семьи как ценности [56].

С вхождением человечества в стадию развития с префиксом «пост», актуализировавшую деинституционализирующие тенденции в развитии обществ, в академической среде стали звучать мнения о том, что социальный класс, наряду с другими структурирующими атрибутами общества, перестает играть важную роль в формировании идентичности с точки зрения ее социального позиционирования и влияния на повседневные практики. Тем не менее профессор Кембриджского университета Д. Ризэй утверждает, что класс, наряду с этничностью, гендером и возрастом, продолжает быть важной частью социальной идентичности и определять содержание и характер наших взглядов и действий. Она приходит к выводу, что нам необходимо переосмыслить социальный класс как не статичную, но динамическую составляющую идентичности, которая продолжает пронизывать всю архитектуру наших повседневных взаимодействий [50].

Какое понимание социального класса будет наиболее имманентно меняющейся социальной реальности? Так, по мнению П. Бурдьё, основанием для определения классовой принадлежности в современных обществах выступает различный объем сложного по структуре совокупного капитала индивида, включая социальный, культурный и т.д. [3].

Наиболее последовательное описание характеристик и функций представителей нового среднего класса предлагает американский экономист Р. Флорида. Он отмечает, что в современной экономике знания все большее значение приобретает творчество, понимаемое им как непрерывный процесс создания новых либо преобразования уже существующих форм [43]. К новому, или *креативному*, классу Флорида относит инженеров и специалистов high-tech индустрии, научную и образовательную элиту, работников творческих профессий, специалистов в области финансов, права, общественных деятелей, формирующих общественное мнение.

Важным представляется замечание исследователей о том, что представители креативного класса заинтересованы в стабильности и порядке, а потому не склонны к проявлениям различных форм радикализма в социально-экономическом и политическом измерениях, что с функциональной точки зрения, несомненно, роднит их с модерными средними классами, отвечавшими за придание стабильности обществу [5, 33]. В сходном ключе теоретизирует С. Дука, полагающий, что новая страта информационного общества, представленная высокообразованными профессионалами, выступает в качестве стабилизирующего ядра социальной структуры [9]. М. Кивинен возлагает на новый средний класс роль не только стабилизатора, но и интегратора, поскольку присущие последнему умеренность и консервативность позволяют приблизиться к идеалу развитого социального партнерства [19].

Учитывая особость российского пути развития, встает вопрос, насколько релевантны данные теоретические конструкты российским условиям. Как выделить и описать новый средний класс в современном российском обществе, тем более что даже само его наличие в современном российском обществе нередко становится предметом дискуссий (например, [29, 30])?

Поднимая вопрос об адаптации теоретических моделей, сконструированных по западному материалу, отечественный исследователь С. Мартынова настаивает на приоритете меритократических критериев при выделении нового среднего класса российского общества.

Наряду с уровнем благосостояния к ним предлагается отнести нефизический характер труда, высокий уровень образования и квалификации, возраст до 40–45 лет, а также ряд психографических признаков: социальную инициативность, чувство гражданской ответственности, **жизненную установку на самостоятельность и независимость**. На основании обладания данными критериями автор предлагает дихотомную классификацию общества, состоящую из *меритократического* (креативного, информационного) среднего класса и социальной страты, которая не обладает такими характеристиками и потому ориентирована на патерналистскую модель взаимоотношений с государством [23].

С С. Мартыновой солидарен Ю. Волков, в качестве достоинств российского креативного класса выделяющий его потенциал к самоорганизации и индивидуалистский настрой во взаимодействии с государством, что позволяет возлагать на него осторожные надежды как на класс социального обновления и изменения [5].

Аналитически плодотворна, на наш взгляд, концепция нового российского среднего класса, предложенная В. Колбановским. Автор обращает внимание на социальную противоречивость позиции нового слоя, который сочетает в себе одновременно признаки как собственника, так и наемного работника, который подвергается эксплуатации со стороны крупного капитала и одновременно управляет и контролирует труд других работников. Представители различных общественных групп и сословий (рабочих, интеллигенции, крестьянства) за счет приобретения высоких знаний и навыков превращаются в *информационных работников*, способных стать «движущей силой экономических укладов и политического руководства» [20. С. 54]. В терминологическом плане исследователь обращается к категории *когнитариата*, предложенной Э. Вильховченко, к числу которых можно отнести наиболее успешных и креативных выходцев как из интеллигенции, так и из производственных классов, которые добились востребованности и социального роста за счет знаниевого и информационно-технологического ресурсов [4. С. 4].

Аналитическое разнообразие подходов к пониманию и описанию новой информационной элиты российского общества, малый фрагмент которого был представлен выше, находит продолжение в дискуссии по поводу того, как оценить креативный класс российского общества в количественном измерении. Среди уже упомянутых авторов наиболее взвешенная и аргументированная позиция гласит: характерные черты *креаторов* можно обнаружить у пятой части,

а вместе с периферическим окружением – у одной трети занятого населения России [20].

Что касается субъективной составляющей классового позиционирования, креативный класс начинает осознавать свою особость и негомогенность по отношению ко всем средним слоям общества (хотя идентификация с последними также является составной его профиля (об этом см., например, [1]), результируя свою особость сочетанием престижной и интересной работы [7], особой мотивацией и отношением к труду [32], а также большим удельным весом нематериальных критериев оценки собственного статуса и успеха. В данном контексте интересно замечание В. Иноземцева, что принадлежность к *классу интеллектуалов* в постиндустриальном обществе выражается в большей степени не в абсолютных величинах наличия или уровня образования, но в относительном превосходстве элиты по сравнению с показателями среднего работника [17].

Отвечая на вопрос о том, каковы причины трансформации части «средних» в «креативных», Б. Кагарлицкий называет разочарование части представителей средних слоев в политике государства, не способного в полной мере удовлетворить их растущие запросы, а также нивелирование ценности квалифицированного труда [5]. Опасность данной тенденции трудно переоценить, принимая во внимание слабость ассоциации прогрессивной части российского общества с будущим страны и ориентир на расширение границ собственных возможностей за счет ориентации на внешние рынки труда и эмиграцию. Это обстоятельство со всей остротой ставит задачу выработки грамотной, востребованной социальной политики, способной позитивным образом «привязать» креативную часть средних слоев к российской действительности. Тем более непростым выглядит этот запрос, так как в условиях глобальной конкуренции и ошутимости последствий второго демографического перехода политика по привлечению талантливых и перспективных специалистов реализуется во многих странах, в том числе с гораздо лучшими стартовыми условиями, чем имеет сегодня Россия.

Понимая многоаспектность и системный характер архитектуры социальной политики, в рамках настоящего исследования остановимся на одном из ее направлений – семейной политике, целью которой является поддержка социальных функций, связанных с рождением и воспитанием детей, содержанием и уходом за недееспособными членами общества [25].

Репрезентативные и методологически разнообразные социологические исследования свидетельствуют, что семья продолжает оставаться ценностным ядром для большинства россиян. Суммируя это обстоятельство с ранее приведенными наблюдениями о значимости профессиональной самореализации для представителей нового среднего класса, можно предположить, что в гипотетической ситуации наличия выбора «остаться или уехать» приоритет будет принадлежать окружающей среде с наибольшей степенью благоприятствования к совмещению карьеры и семьи.

Разговор о семейной политике современной России и о том, чем обусловлены представления и ожидания россиян по отношению к государству, необходимо начинать с ревизии наследия советской гендерной и семейной политики. Данный сюжет – тема целого конгломерата исследований, осуществленных в последние десятилетия силами отечественных социологов и их зарубежных коллег (среди наиболее плодотворных для научного дискурса отметим О. Здравомыслову, Е. Здравомыслову, А. Темкину, А. Роткирх, В. Семенову, Е. Рождественскую, Ж. Чернову, С. Айвазову, И. Тартаковскую, О. Хасбулатову). В качестве важнейших в контексте данной работы последствий советской этакратической гендерной политики выделим следующие:

- Существенный дисбаланс гендерных ролей в публичной (горизонтальная и вертикальная сегрегации, разрыв в доходах между мужчинами и женщинами, диспаритет политического представительства; заниженные карьерные притязания и приоритет в трудоустройстве менее ответственным и позволяющим совмещение с семейными обязанностями должностям) и приватной сферах (повышенная ответственность женщины за воспитание детей и ведение домохозяйства в условиях фактически полной депривации положения мужчины в приватной сфере) [8, 14, 35, 37, 41, 42].

- Социально-психологические перегрузки женщин в связи с необходимостью совмещения ролей и феномен стигматизации в случае несоответствия общественным и собственным ожиданиям [14, 31].

- Кризис маскулинности, симптомы которого – высокая смертность мужчин в ранних, трудоспособных возрастах, распространение среди них различных форм девиантного поведения и несостоятельности на рынке труда, тенденция уклонения от исполнения финансовых и социальных обязательств в связи с супружеством и отцовством [24, 47, 51].

- Стереотипизация на уровне массового сознания представлений о мужских и женских ролях и сферах деятельности [16, 22].

- Патерналистские настроения по отношению к государству, характерные даже для представителей наиболее индивидуалистически ориентированного среднего класса, в частности, ориентация на активное участие общественных институтов в воспитании детей [37].

- Осторожность по отношению к гендерно чувствительным инициативам; восприятие гендерного дискурса как чуждого и навязываемого извне; большая степень сопротивления трансформации и диверсификации гендерных ролей в обществе [2].

Формирование основ семейной политики постсоветского времени происходило в контексте масштабных социально-экономических реформ и острого бюджетного дефицита. Государство, прежде существенным образом разделяющее с женщинами семейно-родительские обязанности, в одностороннем порядке разрывает этот социальный контракт. Характеризуя этап институционализации семейной политики, который пришелся на рубеж 1990–2000-х гг., Ж. Чернова обращает внимание на принцип минимализма, проявляющийся в уменьшении числа и размера пособий, сокращения институциональной поддержки родительства [37]. Иными словами, основными адресатами государственной семейной политики на данном этапе можно считать малообеспеченные и слабоблагополучные семьи, в то время как многочисленные средние слои оказались вынуждены разрабатывать индивидуальные стратегии совмещения занятости и родительства за счет собственных материальных и сетевых ресурсов.

Властный дискурс в отношении семьи изменился в 2006 г., когда решение демографического вопроса было объявлено одним из национальных проектов, а черты новой семейной политики стали приобретать черты инструментального пронатализма и идеологического консерватизма [37, 54]. Остро дискуссионной темой в отечественной социологической периодике стали анализ и оценка последствий такой меры социальной политики, как введение *материнского (семейного) капитала*. Несмотря на то, что в первые годы применения данного инструмента зафиксирован ощутимый прирост рождений во всех регионах России, большинство исследователей относятся скептически к эффективности и соразмерности современному контексту всего комплекса мер современной семейной политики. Среди критических замечаний наиболее часто артикулируются следующие:

- критическое несоответствие объема государственных инвестиций в семейную политику по сравнению с успешными в решении демографических вопросов странами [26. С. 49];

- несбалансированность мер семейной политики в контексте гендерного распределения ролей между мужчинами и женщинами в публичной и приватной сферах: закрепление женщины в роли матери и тем самым снижение ее конкурентоспособности на рынке труда, отсутствие мер по привлечению отцов к заботе о детях [2, 35];

- не адекватный экономическим реалиям, а также недостаточный, чтобы стимулировать семьи среднего класса на рождение детей объем экономической поддержки [52];

- отсутствие чувствительности к потребностям семей в дифференцированных мерах поддержки в зависимости от количества и возраста детей, социально-экономического положения и жизненных ориентаций родителей в отношении семьи и работы [37];

- неразработанность правовых и институциональных механизмов использования государственной поддержки, что снижает ее эффективность и способствует развитию параллельных легитимной практик [2];

- монетизация мер семейной политики, что вуалирует отсутствие конструктивных решений по другим направлениям семейной политики, связанным с доступностью и качеством предоставляемых государством образовательных и медицинских услуг [52].

Возвращаясь к сформулированному нами запросу на определение параметров успешной с позиции нового среднего класса семейной политики, следует признать обоснованность изложенных выше замечаний, стратегически наиболее серьезным из которых, на наш взгляд, является отсутствие внятных шагов по направлению к институционализации и разработке механизмов реализации гендерного равенства в сфере семьи и родительства.

Мы полагаем, что в данном контексте именно женщины – представительницы нового среднего российского класса, ставящие перед собой задачу качественного и гармоничного сочетания профессиональной и семейно-родительской самореализации, оказываются одним из наиболее уязвимых сегментов современного российского общества. Согласимся с Е. Рождественской, что именно перед ними со всей остротой встает задача поиска *work-life balance*, оптимального сочетания обязанностей и самореализации, планирования жизни, основанного на культуре сознательного выбора. Этим объясняется растущая важность успешного тайминга для качества жизни в его

субъективном (удовлетворенность, счастье) и объективном измерениях (здоровье, карьера, полнота частной жизни и др.) [28].

На гендерно специфическом измерении такой, на первый взгляд, нейтральной категории, как время, настаивает немецкий социолог К. Юрчук. Возросшая фрагментация общественных пространств и дерегуляция ранее устойчивых жизненных циклов (образовательного, брачно-семейного, досугового и проч.) стали предпосылками формирования так называемого *круглосуточного общества* ('round-the-clock society' [45]), в котором возможность и умение управлять собственным временем становится обязательным условием качества жизни. Вдохновленная собственным опытом совмещения ролей матери и образованного профессионала среднего класса средних лет, исследователь аргументированно доказывает, что именно подобные ей женщины находятся в наиболее противоречивых отношениях со временем в связи с потребностью в самореализации, с одной стороны, и необходимостью удовлетворять большое число конфликтующих запросов со стороны семьи и социального окружения – с другой.

Пионерами от времени ('time pioneer') смогут стать те из них, которые посредством аккумуляции имеющихся в наличии финансовых, институциональных и сетевых ресурсов смогут достичь баланса в управлении публичными и приватными пространствами и тем самым получать преимущества от жизни сразу в двух сферах. Обратная ситуация рассинхронизации жизни в условиях нехватки ресурсов и навыков управления временным бюджетом превращает женщину в *акробата от времени* ('time acrobat') [Там же].

Растущая важность совместимости семьи и занятости для женщин неоднократно становилась темой исследований в европейской социологии, которая, как нам представляется, ближе прочих подошла к решению дилеммы работы и ухода, что нашло воплощение в реально существующих паттернах семейной политики стран Западной Европы (см., например, [44, 46, 55]). Учитывая общность характера многих социокультурных процессов в глобальном мире, а также наблюдение А. Франка, что национальные границы становятся все менее самоочевидными параметрами для исследования, а хабитус для многих людей – все менее национальным [34], представляется возможным сформулировать рекомендации для акторов в сфере российской социальной политики на основе европейского опыта и его осмысления в отечественном академическом дискурсе (например, [25]):

- Гармонизация законодательства в соответствии с идеями гендерного равенства в сфере трудового и семейного права.

- Институционализация гендерного равенства в вертикальной и горизонтальной плоскостях общественной структуры за счет создания административных и контрольных органов на властных уровнях и в системе производственных отношений.

- Тесное сотрудничество с академической наукой в области гендерной экспертизы политических и административных решений.

- Гибкость и адаптивность мер семейной политики, направленных на преодоление современных тенденций снижения рождаемости с учетом дифференцированных потребностей различных групп населения.

- Признание неоплачиваемого труда по уходу в качестве равноценного рыночной занятости и адекватная его компенсация посредством государственных пособий, субсидий и налоговых льгот.

- Поддержка модели вовлеченного отцовства (подробнее об этом см. в [27, 36]).

- Увеличение государственных расходов на развитие социальной инфраструктуры, соответствующей запросам современных семей в сфере образования, здравоохранения, рекреации, досуга.

- Развитие некоммерческого сектора как надежного партнера государства в предоставлении широкого перечня доступных и качественных социальных услуг.

Сравнительные исследования современных обществ, переживающих постсоциалистические трансформации, обнаруживают устойчивость хабиутальных паттернов в публичной и приватной сфере и высокую степень сопротивления социума новым практикам и нормам (на примере транзита восточногерманских земель в единое федеральное государство это убедительно продемонстрировано в работах И. Остнер, [48, 49]). Подобные явления, на наш взгляд, характерны и для российского общества. Открытый доступ к публичной сфере для женщин в советский период сформировал запрос на высокую значимость профессиональной занятости и социального активизма в конструировании женской идентичности [41]. При этом женщины демонстрируют большую гибкость как в исполнении привычных, так и освоении новых гендерных ролей по сравнению с мужчинами, что можно рассматривать как предпосылку формирования более эгалитарного гендерного порядка [16, 41]. Востребованные сегодня инициативы должны быть связаны с формированием правовых и институциональных основ гендерного равенства и баланса в распределении возможностей и обязанностей между мужчинами и женщинами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авраамова Е.М. Средний класс эпохи Путина // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 28–36.
2. Бороздина Е.А., Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Как распорядиться материнским «капиталом», или Граждане в семейной политике // *Социс*. 2012. № 7. С. 108–118.
3. Бурдые П. Формы капитала // *Западная экономическая социология*. Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004.
4. Вильховченко Э.Д. «Люди знания» – новая рабочая сила позднекапиталистических обществ и ее место в цивилизационных процессах. М.: ИМЭМО РАН, 2010.
5. Волков Ю.Г. Креативный класс – альтернатива политическому радикализму // *Социс*. 2014. № 7. С. 84–92.
6. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь // *Весь мир*. 2004. Т. 116.
7. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики // *Новый хронограф*. 2011.
8. Гурко Т.А. Социология пола и гендерных отношений // *Социология в России*. М., 1998. С. 169–194.
9. Дука С.И. Информационное общество: социогуманитарные аспекты. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, ун-та, 2004.
10. Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // *Социологический журнал*. 2008. № 4. С. 8–22.
11. Заславская Т.И. О социальных акторах модернизации России // *Общественные науки и современность*. 2011. № 3. С. 13–25.
12. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // *О муже(Н)ственности: сб. ст. / сост. С. Ушакин*. М.: Новое литературное обозрение, 2002а. С. 432–451.
13. Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этатератический гендерный порядок // *Социальная история*. 2002. Спец. вып., посвящ. гендерной истории. М.: РОССПЭН, 2002.
14. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // *Журнал исследований социальной политики*. 2003. Т. 1, № 3/4. С. 299–323.
15. Здравомыслова О. Гендерные аспекты современных российских трансформаций: проблемы методологии исследования: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2008. 48 с.
16. Ильиных С.А. Влияние гендера на картину мира: опыт социологического исследования // *Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М)*. 2009. № 28. С. 66–86.
17. Иноземцев В.Л. Класс интеллектуалов в постиндустриальном обществе // *Социологические исследования*. 2000. № 6. С. 67–77.
18. Иноземцев В.Л. Что такое модернизация и готова ли к ней Россия? // *Модернизация России: условия, предпосылки, шансы*. 2009. № 1. С. 5–78.
19. Кивинен М., Иванов И. Средний класс в современной России // *Мир России*. 2004. Т. 13, № 4. С. 143–170.
20. Колбановский В.В. Средний класс – социальная реальность, «класс на бумаге» или «обман трудящихся»? // *Социологические исследования*. 2013. № 2. С. 42–57.
21. Лапин Н.И. Проблемы формирования концепции человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // *Социс*. 2014. № 7. С. 8–19.
22. Лыткина Т. Распределение власти в семье как фактор стратегий занятости и организации домохозяйства // *Рубеж. Альманах социальных исследований*. 2001. № 16–17.
23. Мартынова С.Э. Предпочтения к моделям социального управления в контексте социальной стратификации современного российского общества // *European Social Science Journal*. 2014. № 2, т. 1.

24. Мещеркина Е.Ю. Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 15–25.
25. Носкова А.В. Семейная политика в Европе: эволюция моделей, дискурсов, практик // Социс. 2014. № 5. С. 56–67.
26. Ржаницына Л.С., Рыбальченко С.И. Состояние семейной политики и предложения по ее совершенствованию // Социс. 2013. № 6. С. 47–56.
27. Рождественская Е.Ю. Отцовство: либеральный тренд от отца к папе? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75–89.
28. Рождественская Е.Ю. Биография как социальный феномен и объект социологического анализа: дис. ... д-ра соц. наук. М., 2012. 555 с.
29. Симонян Р.Х. Средний класс в современной России: миф или реальность? // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 37–49.
30. Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества (к 20-летию экономических реформ) // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 37–47.
31. Темкина А.А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Гендер. Культура. Общество. 2003. С. 58–97.
32. Тихонова Н.Е. и др. Эволюция концепции модернизации во второй половине XX века // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 2007. № 25. С. 22–45.
33. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2011.
34. Франк А. Пьер Бурдьё – The Master // Социс. 2014. № 2. С. 68–76.
35. Чернова Ж.В. Семейная политика современной России: гендерный анализ и оценка эффективности // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 44–51.
36. Чернова Ж.В. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 1.
37. Чернова Ж.В. Гендерный анализ семейной политики в современной России: особенности и тенденции: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Саратов, 2013. 40 с.
38. Шкаратан О.И., Иняевский С.А. Новый средний класс на Западе (Полвека дискуссий, полвека перемен) // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 49–66.
39. Шкаратан О.И., Иняевский С.А., Любимова Т.С. Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 5–27.
40. Штомпка П. Социология. М.: Логос, 2005.
41. Ярошенко С.В. Женская занятость в условиях гендерного социального исключения // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 137–150.
42. Ярская-Смирнова Е.Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики // RUSSIAN SOCIETY. 2010.
43. Florida R. The Rise of the Creative Class. New York, 2002.
44. Janczyk S., Correll L., Lieb A. Quo vadis Arbeit? Jenseits verengter Perspektiven und Deutungsmuster, Discussion Papers 1, Marburg: GendA – Netzwerk feministische Arbeitsforschung. 2003.
45. Jurczyk K. Time in Women's Everyday Lives Between Self-Determination and Conflicting Demands // Time & Society. 1998. Vol. 7, № 2–3. С. 283–308.
46. Klammer U., Klenner C., Ochs C., Radke P., Ziegler A. WSI Frauen Daten Report. Handbuch zur wirtschaftlichen und sozialen Situation von Frauen. Berlin: Edition Sigma, 2000.
47. Kohn I. The sexual revolution in Russia: from the age of the czars to today. Simon and Schuster, 1995.
48. Ostner I. Slow motion: women, work and the family in Germany // Women and social policies in Europe: Work, family and the state. 1993. Vol. 92. P. 110–12.
49. Ostner I. The politics of care policies in Germany // J. Lewis, ed. 1998. P. 111–174.

50. *Reay D.* Rethinking social class: Qualitative perspectives on class and gender // *Sociology*. 1998. Vol. 32, № 2. P. 259–275.
51. *Rotkirch A.* The Man Question. Loves and Lives in the Late 20th Century Russia. University of Helsinki, Department of Social Policy. Research report 1/2000. 316 p.
52. *Rotkirch A., Temkina A., Zdravomyslova E.* Who Helps the Degraded Housewife?: Comments on Vladimir Putin's Demographic Speech // *European Journal of Women's Studies*. 2007. № 14.
53. *Sclair L.* The transnational capitalist class and the discourse of globalization, *Cambridge Review of International Affairs*. 2000. 14, 1: 67–85.
54. *Temkina A., Zdravomyslova E.* Gender's crooked path: Feminism confronts Russian patriarchy // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62 (2). P. 253–270.
55. *Walby S.* The European Union and gender equality: Emergent varieties of gender regime // *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 2004. Vol. 11, № 1. P. 4–29.
56. *Warner W.L., Lunt P.S.* The Status System of a Modern Community. New Haven, 1942.